

Изучение наследственности А.С. Пушкина в российской науке 1920-х годов

В первой половине XX в. исследование пушкинской генеалогии ознаменовалось важнейшими научными трудами. Среди них: «Род Пушкина» Б.Л. Модзалевского («Библиотека великих писателей, под ред. С.А. Венгерова. Пушкин». Т. 1. СПб., 1907. С. 1–24), его же — «Родословная Ганнибалов» (М., 1907), «Пушкины. Родословная роспись» Б.Л. Модзалевского и М.В. Муравьёва (Л., 1932), «Предки Пушкина» М.О. Вегнера (М., 1937) и не опубликованная при жизни автора книга С.Б. Веселовского «Род и предки Пушкина в истории» (книжное издание — М., 1990)¹. Параллельно генеалогическим

изысканиям, благодаря которым был обобщён и изучен громадный фактический материал по родословной поэта, личность и творчество Пушкина привлекли внимание специалистов не только гуманитарных, но и естественно-научных дисциплин, в том числе антропологов и биологов.

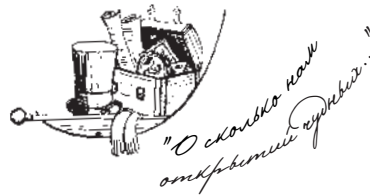
Евгений Пчелов,
кандидат
исторических наук

С точки зрения антропологии самым значительным трудом стала работа академика Д.Н. Анучина «А.С. Пушкин: Антропологический эскиз», опубликованная в 1899 г. к столетнему юбилею со дня рождения поэта. В ней доказывалось эфиопское происхождение Абрама Ганнибала, и именно эта точка зрения стала на долгие годы доминирующей в науке².

¹ Работы С.Б. Веселовского, М.О. Вегнера, Б.Л. Модзалевского и М.В. Муравьёва переизданы в сборнике «Род и предки А.С. Пушкина» (Сост. и предисл. О.В. Рыковой. М., 1995). Там же ещё две работы: «Из семейного прошлого предков Пушкина» П.И. Люблинского (первое издание — 1938 г.) и «История рода Ржевских» Н.К. Телетовой (из кн. Н.К. Телетовой «Забытые родственные связи А.С. Пушкина». Л., 1981).

² Лишь в последнее время была обоснована гипотеза о принадлежности Ганнибала к негроидной расе и локализации его родины в районе озера Чад (*Гнамманку Д. Абрам Ганнибал: Чёрный предок Пушкина*. М., 1999).

Помимо антропологов, к пушкинской теме обратились и психологи. Среди наиболее примечательных работ здесь следует назвать: «Пушкин как идеал душевного здоровья» В.Ф. Чижка, «Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина» Сикорского, «Этюды по психологии творчества Пушкина» Н.Д. Ермакова, «Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности» Е.Н. Каменевой, «Материалы к патографии Пушкина» Я.В. Минца. Диапазон мнений и выводов авторов этих работ был весьма широк. Конечно, во многом здесь влияли и вненаучные установки: желание создать идеализированное представление о личности Пушкина или подбор фактов под заранее сформулированную теорию; но были исследова-

ния, авторы которых стремились не выходить за рамки источниковедчески корректной фактологии и научного метода. Крайние позиции оказались малопродуктивны и подверглись критике в научной печати. Так, Чиж и Сикорский стремились представить Пушкина как тип идеально-уравновешенной, гармоничной личности, а род Пушкиных — как отличающийся биологической устойчивостью и особым здоровьем нервной системы. Я.В. Минц, напротив, связывал гениальность поэта с его психическими отклонениями, что вполне соответствовало общей идее взаимосвязи творчества с психопатологическими явлениями, характерной для того издания, где появилась его статья³. Но фактор наследственности учитывался практически во всех исследованиях, и в этом случае особенно важным становилось возможно более объективное изложение генеалогического материала и внимательное отношение к свидетельствам исторических источников. В этом отношении любопытна работа Е.Н. Каменевой, увидевшая свет в 1924 г.⁴ Она интересна в том числе и довольно подробным анализом пушкинской родословной, ограниченной, впрочем, кругом ближайших предков и родственников. Автор ставила своей целью «наметить элементы психической конституции Пушкина и установить их происхождение из наследственных факторов его генеалогии».

Е.Н. Каменева выявила следующие характерные черты пушкинской психики.

Эмоциональная заострённость, неровный характер с резкой сменой настроений: «Впечатлительный до болезненности, постоянно меняющийся в переходах от подавленности к неудержимому веселью, от мягкого добродушия к аффектам гнева, мнительный и неустойчивый, он, таким образом, представлял все особенности, характерные для невротического склада». Сочетание различных, зачастую противоположных свойств: «смелости и застенчивости, находчивости и неловкости, общительности и склонности к уединению, доверчивости и подозрительности и пр.».

Повышенная сексуальность: «Другой стороной аффективной природы Пушкина является его сексуальность, которая по интенсивности вызываемых переживаний и влиянию на всю его психическую жизнь намного превышает средний уровень... Равносильно по своей интенсивности любовной страсти переживается Пушкиным аффект ревности, который, неизменно сопутствуя всем его наиболее серьёзным увлечениям, часто принимает патологический характер и служит причиной многих безрассудных поступков

и столкновений с людьми... После женитьбы ревность Пушкина принимает характер навязчивости и ощущается им самим как род душевной болезни».

Более длительные перепады настроения — от меланхолической угнетённости до жизнерадостного подъёма — в зависимости от времени года: «Неустойчивость настроения Пушкина на фоне живого эмоционально-возбудимого склада сближает его с циклотимическими личностями в широком понимании этого термина».

Синтоническое отношение к внешнему миру: «Ему чужд мучительный самоанализ, копание в собственной душе, оторванные от мира фантазии, питающиеся эгоцентрическими переживаниями. Он живёт живыми впечатлениями окружающей жизни и откликается на них живо и непосредственно... В своих убеждениях он неустойчив; у него никогда не было цельного мировоззрения, так как все события затрагивают его просто и непосредственно в каждый данный момент».

Неприятие образа, невозможность размеренной и чётко организованной жизни: «Ему необходимы живые, новые впечатления, которые должны дать пищу его внутренней жизни: перемены места, опасности, путешествия... Усидчивость, кропотливая работа, длительное уединение были не в натуре Пушкина».

Всё это привело Е.Н. Каменеву к выводу, что «особенности, лежащие в основе психики Пушкина: живость эмоциональной сферы с склонностью к быстро угасающим аффектам гнева, неустойчивость настроения, подвижность психомоторных процессов, повышенная сексуальная активность заставляют отнести его к гипоманиакальным личностям циклоидного склада». Далее она обращается к генеалогии Пушкина, из рассмотрения которой «становится понятным его психический склад, как конституциональное целое, а также, с точки зрения генетики, как сочетание отдельных психических факторов, заложенных у предков».

³

Журнал «Клинический архив гениальности и одарённости» д-ра Г.В. Сегалина, издававшийся в Свердловске. Ср. критическую статью Н.В. Попова «К вопросу о связи одарённости с душевными болезнями» (Русский Евгенический журнал. Т. 5. Вып. 3–4. М., 1927. С. 141–142, 149 и др.).

⁴

Каменева Е.Н. Личность и генеалогия Пушкина с точки зрения современного учения о конституции и наследственности // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. Прил. к Т. 4. Посв. проф. Л.С. Минору к 45-летию учёной деятельности. М., 1924. С. 182–202.

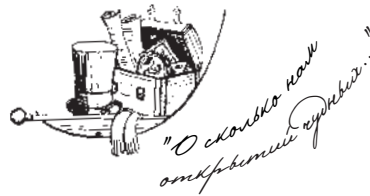

Абрам (Ибрагим)
Ганнибал

«Переходя к рассмотрению генеалогии Пушкина, главным образом, с точки зрения психических особенностей, мы находим у потомков, происшедших от соединения африканской расы с германской в браке Абрама Ганнибала с немкой Шебер (*вернее Шеберх*), психические характеры, общей чертой которых является необузданность аффективной сферы с склонностью к злоупотреблению in Bascho et Venere при недоразвитости морального чувства. Все они, кроме Ивана Абрамовича, унаследовавшего,

по выражению Анучина, материнский немецкий темперамент, характеризуются им и другими авторами, как люди, с одной стороны, неустойчивые, чувственные, легкомысленные, с другой стороны, недалёкие по уму и малоценные в социальном отношении; никто из них, кроме Ивана, героя Турецкой войны, не выделился над уровнем среды ничем, кроме безудержных кутежей и даже антисоциальных поступков, за которые некоторые из них привлекались к ответственности. Те же черты, но уже смягчённые оттенком добродушия, сердечности, широкого хлебосольства, можно найти у представителей следующего поколения Ганнибалов, обогатившегося новым смешением с русской кровью. Что касается до отцовской линии Пушкиных, то при рассмотрении её нельзя согласиться с профессором Сикорским, который, рассматривая предшествующие поколения, приходит к заключению, что отличительной чертой их является личная и общественная добродетель. Далее, утверждая, что среди предков Пушкина не было дегенератов и уголовных преступников, проф. Сикорский полагает, что этот факт вместе с длительным существованием Пушкинского рода указывает на его биологическую устойчивость и особенное здоровье нервной системы. Однако если об отдалённых предках Пушкина сохранились лишь поверхностные, порой неясные сведения, которые освещают часто лишь одну сто-

рону их существования, а именно их общественное положение, и не позволяют сделать каких-либо выводов о их характере и душевном здоровье, то некоторые факты, относящиеся лишь к ближайшим предкам Пушкина, не подтверждают заключения Сикорского. Среди них мы находим достаточно лиц неуравновешенных и неполноценных, причём в двух случаях имеются указания на какие-то душевные заболевания. Что касается до характеров ближайших предков Пушкина по отцу, то в них мы находим много сходного с материнской линией: основной чертой их является повышенная сексуальность, живость аффективной сферы, то выражающаяся в бурных взрывах аффекта, то принимающая оттенок легкомысленной неустойчивости (у его деда и прадеда), с склонностью к беспечному наслаждению земными благами (у его отца и дяди). Такое сочетание сходных психических факторов по обеим линиям делает понятным с точки зрения генетики душевный склад самого Пушкина, в котором особенно резко выражаются черты чувственности, ревности, повышенной аффективности, с склонностью к кутежам и бурному веселью, являются, таким образом, наследственно-родовыми и достигают особенного развития благодаря скрещиванию их с двух сторон: по отцовской и материнской линиям. В следующих поколениях снова по временам встречаются те же так называемые родовые черты — легкомыслие, ревность, склонность к кутежам у Льва Сергеевича, взбалмошность у дочерей Александра Сергеевича, вспыльчивость у племянника и др., но уже значительно разбавленные новыми вливаниями в них элементами, они всё более и более стираются, аффекты бледнеют и начинают выражаться в более сложных реакциях истерического и психастенического типа. Постепенно меняется в ряду поколений психопатический склад: стенический тип необузданного и неукротимого кутилы-деспота уступает место психастенику с навязчивыми страхами и сомнениями, с склонностью к депрессии и самоубийству. Вместе с понижением психического тонуса, что, может быть, указывает на истощение нервной системы, в ряду поколений понижается и физическая устойчивость рода Пушкиных, в частности, по отношению к туберкулёзу, который среди нисходящих поколений во многих случаях является причиной смерти; одновременно учащаются случаи бесплодия и сокращается численность потомства, главным образом в мужских линиях. Так, по прямой линии, происходящей от Александра Сергеевича, мы находим очень мало мужских представителей

рода Пушкиных, тогда как по линии его брата Льва мужское потомство уже подверглось полному вымиранию⁵. Таким образом, можно с достаточным основанием говорить об истощении рода Пушкиных, на что указывает со стороны психики изменение характера психопатических проявлений в сторону понижения психического тонуса, с биологической точки зрения сокращение потомства по мужским линиям. Род Пушкиных, таким образом, не представляет исключения из правила, установленного Рейбмайром, который отмечает раннее вымирание потомства по мужским линиям у большинства гениальных и талантливых людей.

Ещё одна особенность, бросающаяся в глаза при знакомстве со всем имеющимся здесь материалом по генеалогии Пушкина⁶, — это неблагоприятие в сексуальной жизни, выражающееся в обилии несчастных браков, увлечений и тяжёлых драм, возникающих на этой почве, что, может быть, является косвенным указанием на повышенную возбудимость этого чувства... Особенно демонстративной представляется в этом отношении восходящая наследственность Пушкина, где во всех трёх предшествующих ему поколениях по отцу и по матери, по прямой и по боковым линиям, мы находим указания на всевозможные конфликты, осложняющие семейную жизнь и приводящие в лучшем случае к разводу, в худшем — к убийству. Таким образом, драма, преждевременно закончившая жизнь Пушкина, в ряду поколений представляется не случайностью; она является показателем места наименьшего сопротивления его пылкой неуравновешенной натуры, в которой область сексуальных переживаний играет значительную роль, а потому и представляется наиболее легко уязвимой для наносимых ей психических травм. <...>

Рассматривая генеалогию Пушкина с точки зрения одарённости, мы убеждаемся в том, на что указывали многие авторы (Филиппенко, Хоффман, Ленц), а именно, что гениальность никогда не появляется в семье неожиданно, а всегда представляет из себя лишь удачную комбинацию различных факторов, составляющих её и рассеянных в наследственности. В наследственности Пушкина мы находим много лиц, одарённых в различной степени отдельными способностями, которые, удачно соединившись в его лице, вошли в состав его поэтического и художественного дарования, причём носительницей этих дарований является, по-видимому, линия Пушкиных, обогатившаяся в значительной степени браками с представительницами рода Чичериных

и Толстых. <...> Итак, изучая генеалогию Пушкина, можно выяснить происхождение многих особенностей его темперамента, характера и гениальной одарённости; основные черты его психического склада можно проследить на протяжении всей его генеалогии в восходящих и нисходящих поколениях. Отмеченный выше факт смешения рас, далеко отстоящих друг от друга, может быть, имеет значение также для понимания той двойственности его психического склада, на которую указывали его биографы, понимая под этим сочетание в его личности противоположных психических особенностей. Но, внося в личность Пушкина дух мятежности и беспокойного метания, нарушая равновесие его души, колеблющейся между противоположными чувствами и желаниями, может быть, этот же фактор оказался одновременно благоприятным для осуществления его наследственного дарования, способствуя расширению психических возможностей его личности и облегчая вчувствование в чужую душу противоположных психических типов, — он сообщил его творчеству свойственную ему разносторонность и широкое понимание жизни⁷.

Более детально генеалогия Пушкина в свете теории о наследственности таланта изучалась представителями евгенического течения советской науки 1920-х гг., особенно актуального и с учётом задач строительства нового общества и создания нового человека, и в контексте развития такой отрасли научного знания, как генетика. Основатели генетики в России не могли не отдать дань популярной в то время во всём мире «евгенике» — учению о наследственности не только физических, но и психических, ин-

Герб Пушкиных

⁵ К 1999 г. остался лишь один потомок А.С. Пушкина по мужской линии — Александр Александрович Пушкин (1942 г.р.) (Русаков В.М. Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999).

⁶ В тексте приводятся генеалогическая таблица и довольно подробная характеристика психических особенностей родственников Пушкина.

⁷ Каменева Е.И. Указ. соч. С. 196–200.

теллектуальных качеств человека, наследственности тех или иных способностей и гениальности. Воздействие среды считалось приверженцами евгеники менее значимым, нежели влияние наследственности. А потому ставилась задача изучения этой наследственности, в том числе и на примере родословных великих людей — и, конечно, Пушкин, как никто другой, подходил для подобного рода исследований.

Организационно евгеническое движение в России оформилось в начале 1920-х гг. Одним из его инициаторов стал великий учёный, биолог и генетик Николай Константинович Кольцов (1872–1940). Летом 1920 г. в своём Институте экспериментальной биологии в Москве он организовал евгенический отдел, а осенью того же года вместе с другими деятелями биологии и медицины создал

Русское Евгеническое общество, которое и возглавил в качестве председателя. Постоянным органом общества стал «Русский евгенический журнал», семь томов (в 25 выпусках) которого увидели свет в 1922–1929 гг. Журнал издавался под редакцией Н.К. Кольцова, а позднее также под редакцией П.И. Люблинского⁸ и Ю.А. Филиппенко. Общество объе-

дорило учёных разных специальностей: генетиков, антропологов, психологов, медиков и др., ибо только полидисциплинарный синтез, участие различных специалистов могло сделать работу в этом направлении результативной. Общество ставило своей задачей не только научно-исследовательскую деятельность, но и пропаганду евгенических идей, привлечение к ним как можно более широкого внимания, а своей целью видело подготовку научной базы для осуществления главной евгенической идеи — «улучшения человеческой породы».

Примечательно, что в работе общества приняли участие и специалисты в области генеалогии. Евгеника стала одним из тех немногих спасительных

уголков, где генеалогические знания были востребованы, а генеалогические исследования оказались актуальными. Поэтому среди авторов Русского Евгенического журнала мы видим генеалогов с «дореволюционным стажем». В их числе: непревзойдённый знаток дворянских родословных, москвовед и архивист Николай Петрович Чулков (1870 — 1940), бывший статский советник Сергей Васильевич Любимов (1872 — 1935), бывший камер-юнкер Юрий Александрович Нелидов (1874 — 1934?) и др. В журнале было опубликовано более десятка интереснейших генеалогических работ, разумеется, существенных и для евгенических исследований⁹. Они во многом предвосхитили то, к чему русская генеалогия пришла только в конце XX века. В частности, был введён учёт потомков и предков не только по мужской линии, но и по всем женским, появились «смешанные» родословные росписи и таблицы, изучалась общая генеалогическая картина того или иного рода, выявлялись характерные его антропологические, психологические и генетические особенности и т.д. Отдельные статьи посвящались наиболее интересным и талантливым родам, давшим сразу нескольких выдающихся представителей в тех или иных областях: Толстым (Н.П. Чулков), Аксаковым (А.С. Серебровский), Муравьёвым (Н.П. Чулков), семьям декабристов (В. Золотарёв), предкам и потомкам академика К.-Э. Бэра (Ю.А. Нелидов, Н.К. Эссен), предкам С.Ю. Витте (С.В. Любимов), Ч. Дарвина и Ф. Гальтона (Н.К. Кольцов) и др. Какое же место в этих исследованиях отводилось А.С. Пушкину?

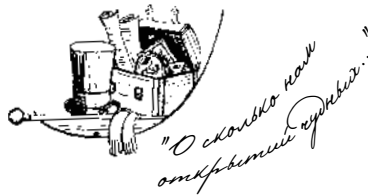
Впервые на страницах «Русского Евгенического журнала» фрагмент пушкинской родословной появился в статье Н.П. Чулкова «Род графов Толстых». «Через мать, — отмечал историк, — Лев Николаевич был в родстве с другим гением русской литературы — Пушкиным: пра-пра-прадед Льва Николаевича, кн. Юрий Юрьевич Трубецкой, был женат на Ольге Ивановне Головиной, сестра которой Евдокия Ивановна была за Александром Петровичем Пушкиным, пра-прадедом поэта. ... Таким образом, Пушкин приходился четвероюродным дядей Льву Николаевичу»¹⁰. Здесь же дана и небольшая генеалогическая схема, ставшая впоследствии весьма популярной в пушкиноведческой литературе. Эта схема, существенно дополненная, была продемонстрирована на одном из заседаний Русского Евгенического общества известным пушкинистом М.А. Цявловским и опубликована в статье Н.К. Кольцова «Родословные наших выдвиненцев» (речь на годичном заседании общества 22 октября 1926 г.)¹¹. В схеме были

⁸ Автор работы «Из семейного прошлого предков Пушкина», опубликованной в 1938 г. к 100-летию гибели поэта.

⁹ Получивших, как ни странно, весьма прохладную оценку в генеалогической историографии (*Красюков Р.Г.* Обзор русской советской литературы по генеалогии за 70 лет (1917–1987) // Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 1. СПб., 1994. С. 56–58).

¹⁰ Чулков Н.П. Род графов Толстых // Русский Евгенический журнал. Т. 1. Вып. 3–4. М., 1924. С. 313.

¹¹ Кольцов Н.К. Родословные наших выдвиненцев // Русский Евгенический журнал. Т. 4. Вып. 3–4. М.; Л., 1926. С. 106.

обозначены: известные потомки петровского сподвижника гр. Петра Андреевича Толстого (Ф.И. Тютчев, К.Н. Леонтьев, П.Я. Чаадаев, кн. А.И. Одоевский, кн. В.Ф. Одоевский, гр. А.К. Толстой и гр. Л.Н. Толстой), дед Чаадаева по матери — кн. М.М. Щербатов, А.С. Пушкин (упоминавшееся выше родство с Л.Н. Толстым через Головиных) и Д.В. Веневитинов (четвероюродный брат Пушкина по другой линии — через Приклонских). По словам Кольцова, это, «может быть, самая замечательная генеалогия литературного таланта не только для нашего народа, но и во всём мире». «Существенно важно, — продолжает автор, — уже то обстоятельство, что в этой семье мы видим одновременно двух мировых гениев: А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Совершенно невероятно, чтобы это обстоятельство было случайностью, так как каждый гений такого калибра приходится на много миллионов населения; очевидно, вся семья характеризуется скоплением очень ценных наследственных задатков, как это действительно подтверждается детальным анализом родословной рода графов Толстых и А.С. Пушкина. Что мы здесь имеем дело действительно с наследственностью, показывает окружение двух гениев: среди их ближайших родственников мы находим такие крупные таланты, как поэты: Тютчев, Одоевские, А.К. Толстой и Веневитинов, а также известные философы Чаадаев и Константин Леонтьев. Благоприятная внешняя среда, позволявшая генотипам полностью проявляться в фенотипах, обеспечивала этим высокое качество браков, заключавшихся по большей части в собственной среде, нередко с близкими родственниками, благодаря чему мы и находим в этой генеалогии замечательный отбор особенно ценных генов — настоящий пантеон русской поэзии».

Огромное значение (в том числе и применительно к генеалогии) имеет работа В. Золотарёва, который впервые в науке составил восходящие родословные (по всем линиям) Пушкина, Льва Толстого, Чаадаева, Самарина, Герцена, Кропоткина и кн. С.Н. Трубецкого и на их материале изучил возможные наследственные черты тех или иных родов, проявившиеся в их замечательных предках¹². Приведём текст Золотарёва, посвящённый генеалогии Пушкина, с краткими комментариями¹³:

«Биографии ближайших предков и родственников А.С. Пушкина настолько хорошо известны, что мы можем не касаться их. По линии матери поэта, этнографически уходящей с одной стороны в Абиссинию, с другой — в Италию, Германию

и Скандинавию, интересна только фамилия Ганнибал, наделившая поэта пылкими чувствами и воображением с эротическим уклоном. Сверх того она могла дать ему литературные способности и ум выше посредственного, качества, которыми обладали «Арап Петра Великого» Абрам Ганнибал и ряд его потомков — поэтов и учёных.

По линии отца мы тоже находим людей вспыльчивых, нервных, вплоть до «душевной болезни» и с горячим воображением, благоприятствовавшим любовным историям различного содержания от драмы с убийствами до водевиля. Но литературные задатки были и в этой семье. Дед поэта, Лев Александрович Пушкин, от первого брака имел: трёх сыновей, из которых ни один не известен склонностью к поэзии, от второго — дочерей и двух сыновей, из коих один, Василий, — поэт, другой, Сергей, — автор любовных стишков, — отец поэта. Такое распределение талантливого потомства Льва Александровича заставляет предполагать, что поэтическая наследственность шла если не исключительно, то главным образом по женской линии. В этом отношении род Чичериных (*бабушка поэта по отцу Ольга Васильевна Чичерина*), по имеющимся сведениям, не даёт положительных данных. Кроме

новой струи горячности и преданий о родстве с Италией (*крайне сомнительных*), он вряд ли дал Пушкину что-нибудь. Другое впечатление производят великороссы Приклонские (*прабабушка по отцу, мать Ольги Васильевны Чичериной — Лукерья Васильевна Приклонская*). Судя по прозвищам, спокой-

¹²

Золотарёв В. Родословные А.С. Пушкина, гр. Л.Н. Толстого, П.Я. Чаадаева, Ю.Ф. Самарина, А.И. Герцена, кн. П.А. Кропоткина, кн. С.Н. Трубецкого // Русский Евгенический журнал. Т. 5. Вып. 3–4. М., 1927. С. 113–132. В. Золотарёв является также автором статьи «А.С. Пушкин: Жизнь и творчество в биосоциологическом освещении» (Русский язык в школе. Кн. 11–12. М., 1926. С. 18–33). В области генеалогии он проделал поистине титанический труд; достаточно сказать, что новая попытка проследить полную восходящую генеалогию Пушкина была сделана в 1999 г. и только с компьютерной помощью (Предки А.С. Пушкина (поколенная роспись). М., 1999 (с довольно большим числом неточностей), причём работа Золотарёва составителям этой новой родословной осталась совершенно неизвестна (?). К сожалению, пока о самом В. Золотарёве сведений найти не удалось.

¹³

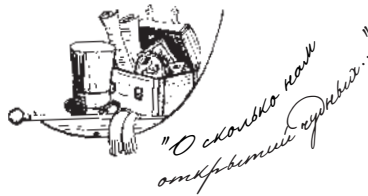
Там же. С. 115–118. К работе В. Золотарёва приложены уникальные генеалогические таблицы, но поскольку их публикация затруднена по техническим причинам, приводится только текст статьи, а необходимые генеалогические пояснения указываются курсивом в скобках.

ному прохождению службы, отсутствию вторичных браков, умеренному долголетию и довольно нормальной детности, это были ровные, мягкие, может быть, даже вялые, меланхоличные люди. В летописи русской культуры занесён только один из Приклонских — Михаил Васильевич (1728–1794) — автор нескольких научных статей, с 1778 г. по 1784 г. бывший директором Московского университета. Зато обращает на себя внимание их потомство по женской линии. Все браки урожд. Приклонских, потомство которых удалось нам более или менее полно проследить, давали поэтов. <...> В потомстве прапрадеда (*пра-пра-прадеда, т.е. предка в шестом поколении*) Александра Сергеевича, Василия Герасимовича Приклонского, мы наблюдаем это явление ещё в более сильной степени. Здесь 52% писателей владели стихом, среди лиц, заслуживающих почему-либо упоминания, 71% занимались сочинительством, наконец, среди всех потомков процент литераторов будет равен 7,8 (27 из 346 человек); если брать только мужчин, он будет не ниже 10. Среди потомков Василия Герасимовича наиболее известны: поэты: А.С. Пушкин, Д.В. Веневитинов, П.А. Козлов, семья Сумароковых — Княжнинных, с А.П. Сумароковым во главе, и археолог гр. Алексей Иванович Мусин-Пушкин. Думается, что на основании всех этих данных можно говорить о наследственной передаче если не поэтического таланта, то, во всяком случае, соответствующего темперамента. О жёнах Приклонских заметим только, что Радилковы (*бабушка Лукерья Васильевна Приклонской — Наталия Степановна Радилова, пра-пра-прабабушка поэта*) происходят от татарского мурзы Льва Тургенева, к потомству которого принадлежал писатель Иван Сергеевич Тургенев (*и писатель Алексей Николаевич Толстой*).

Следующей идёт фамилия Головиных, через которую проходит ближайшая линия родства Пушкина с Толстым (*Евдокия Ивановна Головина — мать Льва Александровича Пушкина, прабабушка поэта*). К сожалению, мы не можем ничего сказать об её исконных качествах, унаследованных от родоначальника, крымского князька, грека родом, в 1391 г. явившегося в Россию и получившего здесь весьма нелестное прозвище «ховра» (Хаврония). В следующих поколениях произошло расщепление, и на служебном поприще выделалась только младшая ветвь рода, к которой принадлежали два наиболее известных члена фамилии: первый в России граф, игравший крупную роль при Петре I, — Фёдор Алексеевич и его двоюродный брат — Иван Михай-

лович (*отец Евдокии Ивановны Головиной, прапрадед поэта*). Не имея соответствующих данных, трудно сказать, что в том и другом было родового головинского и что получено от матери и бабки. Иван Михайлович был любимым «денщиком» Петра I, учился за границей кораблестроению, «но ничему не выучился», как прибавляют позднейшие биографы. По дошедшим до нас рассказам, он рисуется человеком неглупым, находчивым, пожалуй, добродушным, но, что называется, мягкотелым и себе на уме, поэтому отличался он лишь на «всепьянейших соборах», где замещал Зотова в должности «князя-папы». Заманчиво было бы, но не представляется пока возможным утверждать, что он мог прибавить что-либо ценное к наследственному богатству обоих своих знаменитых потомков (*Пушкина и Льва Толстого*). Указанное выше расщепление могло произойти под влиянием знатной Рюриковны княжны Холмской (*княжна Анна Даниловна Холмская, жена Ивана Владимировича Головы Ховрина — дядёного предка Ивана Михайловича*). Её малочисленный, быстро угасший род успел показать примеры воинской и нравственной доблести, а по женской линии она связана с очень интересной фамилией Всеволожских (*мать Анны Даниловны Холмской — Василиса Ивановна Всеволожская*). Если вдуматься в отдельные эпизоды из истории этого рода, можно заметить, как на протяжении более чем 20 поколений общей чертой проходят живость, возбуждённость ума, темперамента, воображения. В потомстве другой внучки боярина Ивана Дмитриевича (*дед Василисы Ивановны — Иван Дмитриевич Всеволожский, знаменитый деятель времён династической войны Василия II и Юрия Дмитриевича Звенигородского*) — княжны Патрикеевой — эта черта переплелась с основными свойствами «Патрикеевичей» и, несомненно, способствовала обоим ветвям её потомства — князьям Голицыным и Куракиным — приобрести значение культурных возбудителей в среде русской знати.

Нельзя счесть особенно талантливой и ту фамилию, имя которой носил поэт. Правда, старшая ветвь выдвинула несколько исторических имён, давших повод считать род Пушкиных «мятежным», но ни они сами, ни тем более предки поэта, занимавшие скромное служебное положение, не обнаружили признаков государственного ума и выдающихся способностей. Радша-Ростислав-Стефан (*предок Пушкиных*) выехал «из немец» (или из Трансильвании) в Новгород (*одна из малодостоверных генеалогических легенд о «первопредках» русских дворян-*

ских родов), в 1146 г. находился тиуном (судьёй) в Киеве, где в этом году был разгромлен жителями его дом. Сын его, Якун, новгородский посадник, умер в монашестве; внук, Алекса, новгородский боярин, основатель Хутынского монастыря, известен как святой чудотворец Варлаам Хутынский. Сын последнего, Гавриил, был боярином при Александре Невском (тоже предке Пушкина) и отличился в Невской битве. Потомство его разделилось на множество фамилий благодаря обилию прозвищ (около 100). Сопоставляя эти меткие и краткие характеристики с историческими данными, мы приходим к заключению, что отличительной чертой Радшевичей является взбалмошность, переходящая от дикости («чорт», «волк», «шарап», т.е. «разбой»), через малоосмысленную «мятежность» («булгак», отец и сын Пушкины — участники цыклеровского заговора), хитрость, мошенничество, вредное или безвредное пустозвонство (клеветник Никита Пушкин (1753), прозвища¹⁴ «шумиха», «мятел», «бутурля», «хазюк», «лихач», «ногаи», «гулида», «улан», «шавка», «нехорош»), в другую крайность — бестолковость, безвольность, ничтожность («смирения», «кручина», «курица», «ворон», «корова», «слизень», «сопля», «истома»)¹⁵. Как проявилась эта черта у самого поэта, его прадеда, деда, дяди, отца, брата и племянника, дочери и внуки, известно из биографий. Разницу можно правдоподобно объяснить влиянием материнских наследственных черт.

Одна из Пушкиных, Мария Алексеевна, по мужу Ганнибал, бабушка поэта по матери, была, по признанию некоторых биографов, женщиной умной, для своего времени образованной, умела занять внука рассказами и в письмах отличалась хорошим слогом. Эти положительные черты можно считать

занесёнными в род Пушкиных от Ржевских. В потомстве Ивана Ивановича Ржевского, пушкинского прапращура (*пра-пра-пра-прадеда по отцовской линии*), деловитого нежинского воеводы, это не единственное указание на способности и литературные задатки, однако потомки его отличаются не столько глубиной, сколько живостью ума, с увлечением воспринимавшего дух времени с его направлением мысли и культурных интересов; чаще всего они отдавали свои досуги литературе. Такие литераторы по склонности составляют 13% (37 чел.) мужчин, — 10% (45 чел.) обоюбого пола потомков Ивана Ивановича, среди них многие (43%) занимались стихотворством. Особенно интересными и характерными кажутся нам несколько женских фигур: католичка, мать декабриста, М.А. Свистунова (1788–1866); умная, властная, глава талантливой семьи, княгиня Н.П. Голицына, урожд. Чернышёва (1741–1837), по преданию послужившая оригиналом для старой графини в «Пиковой даме»; писательница, мистик, женщина «передовых» политических взглядов, княгиня З.А. Волконская (1792–1862) и др.»

С конца 1930-х гг. евгенические исследования в нашей стране были свёрнуты, а само это научное направление впоследствии серьёзно дискредитировано. Только Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989) продолжил работы в области изучения генетики гениальности, но его капитальные труды по этой теме были опубликованы лишь в 1998 г.¹⁶ В них он ещё раз обратился к изучению личности Пушкина (определив его как «гиперурикемически-циклотимического гения», наряду с Лютером, Линнеем, Гёте, Шопенгауэром, Дарвином, Диккенсом и др.) и его родословной («династия Толстых — Пушкиных» на основе схемы Чулкова — Цявловского — Кольцова). Наследие 1920-х гг. оказалось, таким образом, вновь актуальным.

¹⁴

При определении значения старинных русских слов мы пользовались словарём Даля (прим. В. Золотарёва).

¹⁵

Здесь В. Золотарёв, как кажется, не совсем учитывает специфику бытования таких прозвищ: они могли не столько отражать конкретные особенности данного человека, а в качестве «некалендарных» имён выполнять своего рода «охранительную» функцию (от сглаза, порчи и т.д.). Именно поэтому, вероятно, большое число подобных прозвищ воспринимаются ныне как негативные характеристики.

¹⁶

Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М., 1998.